

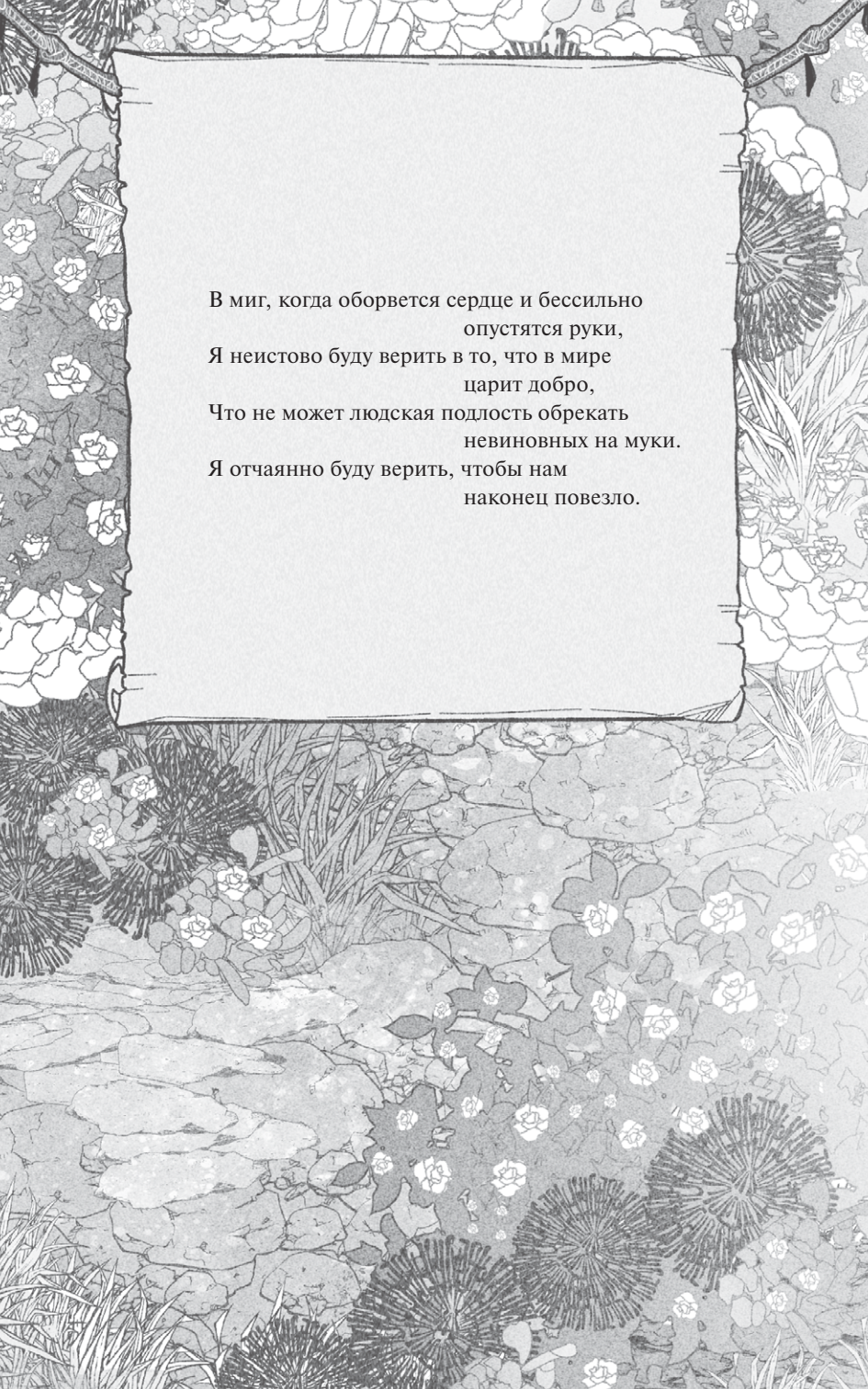
НАТАЛЬЯ СПОСОБИНА

ПРЯДУЩАЯ
И ПРИВЕДУТ ДОРОГИ

фэнтези

МИОО

В миг, когда оборвется сердце и бессильно
опустятся руки,
Я неистово буду верить в то, что в мире
царит добро,
Что не может людская подлость обрекать
невиновных на муки.
Я отчаянно буду верить, чтобы нам
наконец повезло.

ГЛАВА 1

Если бы мне когда-то сказали, что я попаду в собственную книгу и окажусь в окружении придуманных мною героев, я, как любой нормальный человек, конечно же, не поверила бы. А если бы даже задумалась всерьез о такой перспективе, то решила бы, что это могло бы превратиться в отличное приключение. Вот только когда я каким-то образом в это приключение все-таки вляпалась, оказалось, что мир этот отнюдь не сказочный. Здесь пятнадцатилетние девочки по своей воле уходили из жизни вслед за погибшими возлюбленными, и никто не пытался их остановить, смерти были настоящими — со слезами осиротевших родных и едким дымом погребальных костров, а тот, кого ты считала другом, вдруг оказывался врагом.

Но самое обидное заключалось в другом: тот, кто вписал меня в древние легенды и предания этого мира, почему-то не озаботился тем, чтобы наделить меня силой, мудростью или каким-нибудь тайным знанием, которое подсказало бы, как выжить самой и уберечь тех, кто стал мне дорог. Все, что я получила, — туманное объяснение, что я прядущая и оказалась здесь, чтобы сохранить жизнь Радимиру, воеводе города Свирь. Попутно я, кажется, умудрилась влюбиться и теперь не знала, как мне спасти не только Радима, но и хванского мальчишку, побратима воеводы.

Отличный квест, которым меня озадачил бедовый хванец, прежде чем воины князя утащили его в неизвестном направлении. Учитывая, что перед этим он разорвал побратимство с воеводой, я имела неплохие шансы больше никогда его не увидеть, и эта мысль сводила меня с ума гораздо сильнее, чем страх за собственную жизнь.

Мое сердце то и дело замирало от ужаса, когда мозг подсовывал картинки возможного будущего Альгидраса: одну страшнее другой. Неизвестность — вот что угнетало меня больше всего. Ведь, что бы ни происходило в Свири, женщине скажут об этом в последнюю очередь. Особенно мне, оказавшейся на месте сестры воеводы, которую вся родня старалась оберегать от потрясений. Отчаяние заставляло меня метаться по двору, заламывая руки, в тщетных попытках найти способ узнать новости. Выйти со двора я не могла, потому что воевода запретил, да и появляться на улицах города без сопровождения после покушения на мою жизнь мне вроде как тоже было запрещено. Хотя собственная безопасность волновала меня сейчас меньше всего.

Сжав виски, я опустила на лавку, в сотый раз проклиная день, когда мне вздумалось написать роман о городе-заставе. Огромный пес тоненько заскулил у будки. Он, подобно мне, до этого метался по двору, насколько позволяла цепь, а теперь прилег, опустив морду на лапы.

— Не скули, Серый. И так тошно, — попросила я. — Все хорошо будет.

Пес снова заскулил. Мы оба с ним понимали, что ничего хорошего не будет. Не в этой истории.

Серый вдруг вскинул голову и тут же подскочил. Спустил миг в ворота постучали. Я вздрогнула и поспешила открыть, уже даже не гадая, кто бы это мог быть.

На вошедшей Добронеге не было лица, из чего я сделала вывод, что мать Радима в курсе случившегося. Она рассеянно откликнулась на мое приветствие, потрепала пса по голове и пошла к дому, сжимая в руках плетеную корзинку. Поставив корзинку у крыльца, Добронег вынула из нее несколько связок трав и молча отправилась в дом. Я последовала за ней.

Добронегу я нашла в сених. Она ловко обматывала связки грубой ниткой и подвязывала к веревке, тянувшейся под самым потолком вдоль стены. Взяв один из пучков, я начала его обматывать. Получалось у меня и в половину не так хорошо, как у нее. Я попыталась привязать связку, но руки сорвались, и я больно оцарапала палец о гвоздь. Добронег забрала у меня травы, а я, подув на палец, обратилась к матери Радима:

— Что теперь будет, а?

Добронег скрутила петельку, молча встала на цыпочки и накинула ее на гвоздь, затягивая потуже, после чего аккуратно расправила травы, чтобы лучше сохли, и только потом повернулась ко мне. Она взяла меня за руку, осмотрела пораненный палец и сказала:

— Ну, ничего. Заживет. Царапина, — и больно сжала мою руку.

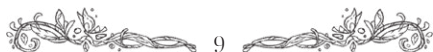
Кажется, в эту минуту ей самой поддержка нужна была гораздо больше, чем мне, поэтому я обняла мать Радима.

— Все будет хорошо, да? — спросила я.

Она обняла меня в ответ так крепко, как, пожалуй, никогда еще не обнимала, и сказала:

— Конечно, все образуется, дочка. Князь не допустит расправы над невинным.

Впрочем, уверенности в ее голосе не было вовсе. И от этого беспомощное объятие и беспомощная ложь

выглядели еще страшнее. Я заглянула в голубые глаза матери Радима. Ожидала увидеть слезы, но взгляд Добронеги был абсолютно ясным. И очень решительным.

— Ранен он, — проговорила она.

Я вздрогнула.

— Кто ранен?

— Олег ранен, надо ему мазь снести.

Она направилась в дом, и я бросилась следом.

— Как ранен? Когда?

Почему-то я подумала, что, когда его забрали со двора, с ним что-то сделали. Добронега обернулась ко мне и посмотрела слегка растерянно:

— Так кварской стрелой. Да пес еще подрал.

Я почувствовала такое невероятное облегчение, как будто мне сказали, что Альгидраса уже освободили. На нетвердых ногах я добралась до стены, провела по ней рукой и, ощутив опору, прислонилась спиной.

— Что ж так пугать-то? — пробормотала я себе под нос. — Я уж думала, что люди князя что-то сделали...

Добронега внимательно на меня посмотрела и медленно покачала головой.

— Не сделают они ничего без суда. С побратимом воеводы даже человек князя ничего без суда не сделает.

— Так он же... — начала я и внезапно осознала, что Добронега не в курсе.

Случившееся во дворе этого дома осталось тайной, о которой в Свири пока никто не знал. Кроме дружинников, которые увели Альгидраса. И как раз они-то могут сделать все что угодно.

— Пойдем быстрее, снесем мазь.

Бросившись к полкам, я начала снимать горшки... Добронега посмотрела на меня удивленно, впрочем, удивление быстро сменилось усталой улыбкой.

— Не те горшки берешь, — посетовала она. — Вот тот, дальний.

Схватив указанный горшок, я протянула его ей.

— Корзина на улице... — Добронегга еще не договорила, а я уже выбежала на крыльцо, схватила оставленную ею корзинку, вытряхнула из нее остатки травы и прибежала обратно.

Спустя пару минут мы заперли калитку, оставив во дворе притихшего Серого, и поспешили по тихим улочкам спасти бестолкового мальчишку. Шли мы довольно долго. Судя по шуму Стремны, мы оказались недалеко от внешних стен, в той части города, куда я еще не забиралась. За очередным поворотом перед нами вырос глухой забор, и я испугалась, что Добронегга от расстройства свернула не туда и мы заблудились. Однако, приблизившись, увидела в заборе неприметную калитку, которую Добронегга не мешкая толкнула. Мы вошли в небольшой двор, чем-то похожий на двор при дружинной избе. Справа от входа были аккуратно сложены дрова. Напротив калитки, вдоль всего противоположного забора, тянулась изба с низким навесом, в которой не было ни одного окна. Тут же из-под навеса показался человек в цветах князя Любима. Он был молод, но движения выдавали в нем бывалого воина.

— Вам нельзя сюда, — приблизившись, без улыбки отчеканил мужчина и покосился за наши спины.

Я тоже посмотрела туда, но увидела только затворенную мною калитку. Он что, ожидал, что мы здесь с подмогой?

— Олег ранен, — негромко произнесла Добронегга, приподнимая покрытую тканью корзину. — Мазь здесь и настой. Можешь проверить.

— Князь запретил.

— Что запретил? — все так же спокойно откликнулась Добронегга, и я поразилась тому, как она держалась. У меня самой зуб на зуб не попадал.

— Запретил к хванцу кого-либо пускать!

— Травниц пускали всегда, Вадим. Даже к врагам, что в плену. А уж к своим...

В голосе Добронегги послышался холод. Воин на миг тушевался, а потом тяжело вздохнул.

— Уходите. Не пущу я.

В этот момент я вдруг осознала, что все это по-настоящему. Альгидраса не просто арестовали. К нему еще и не пускают. Я ведь могу никогда его больше не увидеть. Сразу вспомнились погребальные костры и то, что смерти здесь совсем не книжные. Его «мне вскоре надо будет уехать из Свири» предстало вдруг в новом свете. Что, если его самого просто не станет?

Все эти мысли промелькнули в моей голове за считанные секунды, пока Добронегга молча смотрела на княжеского воина. Я с ужасом поняла, что она ничего не сможет сделать. Более того, я не была уверена в том, станет ли она вообще пытаться, ведь женщины в этом мире были почти бесправны и уж точно бессильны.

Внезапно скрипнула дверь избы, и по узенькому крыльцу сбежал дружинник в красном плаще. Плечи Добронегги тотчас расслабились.

— Добронегга? Что случилось? — встревоженно спросил дружинник, переводя взгляд с матери Радима на княжеского воина.

Его лицо показалось мне смутно знакомым, но, только когда он подошел совсем близко, я смогла его вспомнить. В самую первую прогулку по Свири я прибежала в дружинную избу и поздоровалась тогда с кучей полуголых незнакомых мужчин. Этот воин стоял ближе всех

и первым ответил на приветствие, и я поразилась тому, какие у него неправдоподобно синие глаза. Даже списала это на то, что они так выделялись на фоне измазанного лица. Сейчас лицо его было чистым, но глаза казались все такими же яркими.

— Олег ранен, как помнишь. Кварской стрелой. Раны обработать надобно.

Дружинник нахмурился.

— Ра-а-анен, — протянул он. — Я забыл совсем. Иди. Там. В клетки.

Однако, стоило Добронеге сделать шаг в указанную сторону, как княжеский воин подал голос:

— Ростислав, князь не велел. Ты не хуже меня слышал.

— Мать воеводы пройдет туда, куда ей надобно, — голос Ростислава звучал спокойно, но то, как он смотрел при этом на княжеского воина, говорило само за себя. Они были по разные стороны, и оба это очень хорошо понимали.

— Приказ князя, — упрямо повторил Вадим.

В это время по тем же ступеням сбежал второй свирский воин, молча пересек двор, кивнул Добронеге и скользнул нам за спину. Я нервно оглянулась и увидела, что он так же молча запирает калитку изнутри, отрезая нас всех от внешнего мира.

— Вадим, — негромко проговорил Ростислав. — Мать воеводы пройдет. И князь ее не остановит. Не доводи до беды. Раны обработать недолго. Мы дольше тут стоим.

— Приказ князя!

— Вот заладил, — возвел глаза к небу Ростислав. — Где это видано, чтобы раненому помощь не оказали?

— Он осужден.

— И что? Вот как казнят, так и говорить не о чем будет. А пока пусть идет.

— Он даже не побратим воеводы больше, — негромко произнес Вадим, касаясь рукояти меча. — Ради чего на измену идешь?

— Побратим — не побратим, это не нашего ума дело. Он — свирский воин. И измены здесь нет, Вадим. Измена — это когда своего в беде бросаешь.

— Измена — это идти поперек приказа князя.

— Свирь служит Радимиру, Вадим! — Рука Ростислава тоже скользнула к поясу.

— Князь всему голова!

— Не здесь. Мы зря спорим. Они пройдут, и князь ни о чем не узнает.

— Я прямо сейчас ему скажу.

Я сглотнула, следя за рукой Ростислава. Смуглая ладонь легла на рукоять, и меч медленно пополз из ножен. Солнце заблестело на лезвии.

— Если ты скажешь князю, накличешь беду. Вас мало здесь, Вадим. А Свирь за Радимира встанет. Так что ты останешься здесь, и столько хороших людей завтра солнышко увидят.

— Нас немного, ты прав. Но каждый — отменный воин.

— Так и мы тут не зря хлеб едим, — коротко улыбнулся Ростислав. — Ты не выйдешь. Видят боги, я не хочу причинять вред, но сделаю.

— Так коль меня убьешь, с хвანцем в клети окажешься. За убийство-то воина из личной дружины князя!

— Что ты! Какая клеть?! — с напускным удивлением воскликнул Ростислав. — Все подтвердят, что мы с тобой поссорились. Молоды да горячи, девку не поделили, м? — Ростислав внезапно повернулся ко мне и весело подмигнул. — В Свири вон какие красавицы. До беды недалеко.

Я покосилась на Добронегу, ожидая, что она хоть здесь вмешается. А что, если они вправду друг друга убьют? Это же будет настоящая катастрофа. Радим от одной-то беды неизвестно как оправится! Но Добронегга молча смотрела в землю. Я попыталась вдохнуть полной грудью, потому что внезапно почувствовала дурноту, и закашлялась. Со мной это иногда случалось.

Все обернулись в мою сторону. Вадим смотрел пристально, словно я только что совершила диверсию, Ростислав — напряженно.

— А мне что так, что так головы не сносить, — озвучил свою мысль Вадим, глядя прямо на меня. — Князь крут, сами знаете.

Мне вдруг стало невероятно жалко этого воина, который просто выполнял приказ. Ведь он не желал нам зла. Лязгнул меч, и я вздрогнула. Но оказалось, что это Ростислав всего лишь вложил свой меч в ножны.

— Князь не узнает. — Смуглая рука опустилась на плечо в синем плаще. — Они быстро. Да, Добронегга?

— Мы быстро, — откликнулась Добронегга и устало улыбнулась: — Спасибо, Вадим. Я этого не забуду.

Вадим дернул плечом, сбрасывая ладонь Ростислава, но было видно, что напряжение спало.

Добронегга потянула меня по двору вдоль забора, и я быстро пошла за ней, все еще оглядываясь на воинов. Ростислав, склонив голову набок, разглядывал Вадима, а тот ковырял землю носком сапога. Второй свирский воин подпирал плечом запертую калитку.

Я шла за Добронеггой, стараясь не думать о том, что сейчас произошло, и вместе с тем понимая, что звук, с которым меч покидает ножны, и то, как в мгновение ока обычные мужчины превратились в воинов, готовых убивать, я забуду очень нескоро.

Оказалось, что двор вовсе не прямоугольный: забор уходил влево, огибая скрытую от посторонних глаз часть двора. Стоило мне свернуть за Добронегой, как все мысли тут же вылетели из головы. Здесь стояло что-то похожее на телегу. Только вместо колес днище подпирали толстые пни. «Телегу» оплетала деревянная решетка. Прутья были связаны веревками в местах перекрестиев. По большому счету, прутья можно было бы распилить, а веревки разрезать, но пленникам вряд ли оставляли кинжалы.

Я прокручивала эти нелепые мысли в голове, изучая клеть и всеми силами оттягивая момент, когда придется смотреть на Альгидраса. Я ведь ничем не могла ему помочь. Как же я буду жить, если с ним что-то случится?! И дело даже не в какой-то там любви! Мою душу жгло осознание того, что трагедия свершается прямо сейчас, на моих глазах, а я стою в стороне и ничего не делаю. Как тогда у погребальных костров.

Наконец я решилась посмотреть на хванца. Он сидел на полу у самой решетки, высунув правую руку наружу, и Добронегга обрабатывала его запястье. Вот уж кто не рефлексировал, а действовал. Приблизившись почти вплотную к клетке, я стала наблюдать, как Добронегга ловко накладывает повязку поверх густого слоя мази.

— Как там? — подала я голос.

Мать Радима лишь покачала головой, а Альгидрас поднял взгляд на меня. Я глубоко вздохнула и заставила себя посмотреть ему в лицо. Ничего. Я выдержу. Выдержала же разговор о гибели его деревни. И сейчас смогу.

Ко лбу Альгидраса прилипли мокрые пряди, на переносице были разводы грязи, а нижняя губа кровоточила. То ли он ее прокусил со своей извечной привычкой кусать

губу в моменты раздумий, то ли его все же избили. Мне очень хотелось узнать, что еще пострадало, но я не знала, как спросить. А потом посмотрела в серые глаза, и все вдруг стало неважно. Почему я должна подбирать слова или думать о последствиях? Возможно, я вижу его в последний раз.

— Что еще пострадало? — тихо спросила я.

После бесконечно долгого взгляда он помотал головой. Это могло означать как то, что он не пострадал, так и то, что ничего он мне не скажет. Впрочем, правильно. Кто я такая? Я усмехнулась и уже собралась обратиться с тем же вопросом к матери Радима, когда заметила какую-то странность. Альгидрас по-прежнему смотрел прямо мне в глаза, и взгляд его был таким, словно он то ли пытался что-то понять для себя, то ли что-то мне сказать. Вот только что?

Я нахмурилась и помотала головой, давая понять, что не понимаю, чего он хочет. Альгидрас покусал нижнюю губу, и та начала кровоточить сильнее.

— Кровь, — не удержалась я.

— Пустое, — ответил он, по-прежнему глядя мне в глаза.

— Все, — сказал Добронега, и мы оба вздрогнули от неожиданности. — На, попей!

Мать Радима извлекла из корзины кувшинчик с каким-то напитком, вынула пробку из горлышка. Альгидрас суетливо сдвинулся, чтобы оказаться еще ближе к решетке, оглядел ее и вынес вердикт:

— Не пройдет. Ростислав через решетку воду лил.

Тут я поняла, что волосы на его голове мокрые не только от пота. Видимо, Ростислав усердно поил пленника: мокрыми были еще ворот, штаны и солома на досках у решетки.

— Через решетку пей, — все так же тихо сказала Добронегга, и только тут я наконец посмотрела на нее.

Она выглядела не просто уставшей и осунувшейся. Она выглядела как человек, в семье которого случилось горе.

Альгидрас меж тем встал на колени и прижался лицом к решетке. Добронегга поднесла к его губам кувшин. Мне почему-то стало неловко, и я отвела взгляд только затем, чтобы обнаружить, что он босиком. Интересно, почему? Я зачем-то рассматривала его испачканные в земле пятки и думала о том, что это все напоминает фарс. Мне страшно захотелось проснуться в своей спальне, в своем мире, подальше от Свири, которая отнимала у меня слишком много. Гораздо больше, чем давала.

Альгидрас напился и скованно поблагодарил Добронеггу. Я видела, что ему очень неловко. Сперва я списала это на свое присутствие, но потом хванец набрался смелости коснуться руки Добронегги, которая словно специально не стала сразу отнимать кувшин, и едва слышно спросил:

— Как Радим?

И тут я поняла, что дело совсем не во мне. Альгидрас разорвал побратимство. Для меня побратимство было лишь словом, но для них это было совсем иначе.

— А сам как думаешь? — резко спросила Добронегга, отступая прочь от клетки. — Мечется, точно зверь раненый. Ты, коль ранить его хотел, ничего лучше придумать не мог.

Выходит, она знала о разрыве побратимства. Просто не хотела обсуждать это со Всемилой. Альгидрас медленно опустил на пятки и сложил руки на коленях. Я заметила, что его пальцы слегка подрагивали.

— Я не мог иначе. Против меня все. Даже свидетель нашелся, — горько усмехнулся он. — Я не делал этого,

Добронега, а Радим стал бы меня защищать — сама знаешь. Только против кого? Против князя? Так князю только того и надо, чтобы была причина Свирь усмирить.

Добронега покачала головой.

— Глупый ты еще, Олег. Хоть и вырос вроде. Не знаю, как было в ваших краях, но у нас брат стоит за брата до последнего, а не бежит, точно крыса.

Альгидрас побледнел так, что я всерьез решила, что он свалится в обморок. Я повернулась к Добронеге, открыла рот, чтобы что-нибудь сказать, да так и закрыла. Мать Радима говорила серьезно. И Альгидрас так же всерьез был задет ее словами. Вот такими они были, люди этого мира: слова ранили их, точно кинжалы. Видно, они еще не знали, что можно просто пропускать их мимо ушей. Или же, наоборот, слишком хорошо знали то, что давно забыли в моем мире: каждое слово имеет свою цену.

— Добронега, — Ростислав вырос рядом с нами, точно из-под земли, — Малуш прибежал. Сказал, князь сюда собирается. Уходите мокрой тропкой.

Сказав это, он исчез за поворотом. Добронега быстро собрала все, что успела вынуть из корзины, шагнула прочь, потом резко остановилась и вернулась к клетки. Протянув руку, она ласково убрала мокрые пряди со лба Альгидраса. И так ее жест не вязался с тем, что она говорила до этого, что у меня зашипало в глазах. Я сглотнула, стараясь взять себя в руки.

— Да хранят тебя боги, сынок, — прошептала она и, дернув меня за рукав, быстро пошла прочь.

Я двинулась было за ней, но поняла, что не могу уйти просто так.

— Я быстро, — шепнула я Добронеге и бросилась назад.